

— Пей Чжо, — тихо проговорил Пей Юйшу.

Цзян Нинье спрятал бумажный веер, но в глазах его всё ещё играла улыбка. Проходя мимо Чжан Жоханя, он намеренно замедлил шаг и со вздохом заметил:

— Господин Чжан, могли бы предупредить заранее. У меня для поездки подготовлено лишь три экипажа. Теперь придется вам, господин Чжан, совершить объезд.

Чжан Жохань, согнувшись в поклоне, опустил голову, сложив руки перед собой. Тихий смешок, донесшийся до его ушей, показался ему невыносимо резким.

В западных переулках Города Цзи людской поток, словно волны реки Цзяньхэ, бесследно скрывал любые мелочи.

— Забавно, — Цзян Нинье сидел в золоченой карете, вновь прокручивая в памяти эту сцену. — Боюсь, дурная слава главнокомандующего Хуа Бэня в Императорской столице скоро разлетится повсюду... Впрочем, раз уж он присягнул Чу Ляну, жалеть его не стоит. Только вот то, что он хочет узнать, и то, что он утратил... возможно, всё это связано с этим человеком.

При этой мысли из глубины души поднялось давно забытое раздражение. Он слегка нахмурился и прижал тонкие пальцы к виску.

Сидевшая рядом служанка Цзяоцзяо протянула господину чашку горячего чая и, прикрыв лицо рукой, улыбнулась:

— А этот молодой господин Пей и вправду очень хорош собой. Думаю, в нашем Городе Цзи снова поползут слухи о любовных похождениях.

— Холодный нос, холодный взгляд — чем он отличается от Чжан Жоханя? — рассеянно бросил Цзян Нинье, принимая чай.

— Даже с таким холодным лицом он выглядит невероятно изящно, благородно и утонченно... — Цзяоцзяо не удержалась и хотела оглянуться.

— Выходи.

Цзяоцзяо застыла.

Цзян Нинье пригубил чай и, увидев, что она все еще сидит на коленях, готовая расплакаться, с недоумением спросил:

— Что застыла? Я сказал — иди, отнеси чашку чая молодому господину Пею.

Услышав это, Цзяоцзяо мгновенно смахнула слезы.

Когда она вернулась, ее щеки слегка покраснелись:

— Молодой господин Пей сказал: «Передайте, пожалуйста, Вашему Высочеству мою благодарность. Листья Нинъаньской весны — не слишком крепкие и не слишком слабые, как раз то, что нужно».

Пей Чжо держал чайную чашку, и в его черных как смоль зрачках отражался уезжающий впереди экипаж. Занавеси и желтые дворцовые фонари делали силуэт человека внутри удивительно мягким.

Он чуть было не протянул руку, чтобы остановить опускающуюся штору.

Цзян Нинъе: «А Чжо — звучит немного коряво. Неужели я и правда так его называю?»

«Редкий снег и алые свечи, в высоких башнях приветствуют восточный ветер.

Учишь меня бить ладонью по перилам, под звуки флейты мечты улетают вдаль...

Пусть всё прожитое — пустые напевы да стихи, сложим их в гимн радостной встречи».

Тихие переборы цитры в сопровождении нежного пения донеслись до ворот дворца, пронеслись над опавшими листьями у Террасы Благородного мужа и всколыхнули весеннюю воду в пруду у Храма Бога Дракона.

На пышном пиршестве во дворце Цюпин сидевший во главе стола человек со скучающим видом крутил на пальце нефритовую перстень-кольцо. Изредка он поднимал взгляд, и его узкие глаза, скрытые за двенадцатью нитями жемчужных подвесок, источали негласную властность. Казалось, один этот взгляд, пронзивший жемчужную завесу, заставил замереть подглядывающую танцовщицу.

По обе стороны сидели гражданские и военные чиновники всех рангов. Столы ломились от деликатесов, повсюду звенели кубки, царило оживление. Ли Сысюань почувствовал, что порядком устал, и не смог сдержать зевка.

Спустя некоторое время он слегка поднял руку, и молодой слуга тут же понял знак.

— Великий наставник еще не пришел?

Слуга почтительно ответил:

— Ваше Величество, господин великий наставник, должно быть, задержался в пути.

Каждый раз одно и то же, никакой новизны. Ли Сысюань лишь раздраженно отмахнулся, решив больше не спрашивать.

В этот момент у дворцовых ворот раздался удар гонга, и глашатай пронзительным голосом возвестил о прибытии гостей. Возможно, этот звук показался Ли Сысюаню слишком резким, и он нахмурился.

Танцовщицы и певицы в центре зала поспешно отошли к музыкантам в углу, и бесчисленные глаза с любопытством устремились на четверых вошедших.

Цзян Нинье шел впереди, не обращая внимания на шепот вокруг. Остановившись, он подождал, пока двое других поравняются с ним, и все они склонились в поклоне перед Ли Сысюанем, сидевшим за жемчужной завесой.

— Встаньте, встаньте, — махнул рукой Ли Сысюань, хмурия брови. — На улице такой холод, зачем было утруждать себя поездкой?

— Старший брат, не беспокойся. В городе сейчас чудесная весенняя пора, я как раз решил выйти проветриться и, услышав, что командующий вернулся в Город Цзи, решил присоединиться к веселью. — Цзян Нинье сощурил глаза, изображая послушание.

Ли Сысюань произнес «О», а затем добавил:

— В нашем дворце тоже весна в самом разгаре, к чему ехать так далеко? Если тебе нравятся цветы или рыбки, держи их у себя в поместье. Та сосна, что была в Дворце Цзиньсян, — ее уже посадили в саду?

В этих словах на одну часть упрека приходилось девять частей баловства.

Слуга, стоявший рядом с Ли Сысюанем, сделал шаг вперед и прошептал:

— Ваше Величество, ее посадили еще до конца года.

— Ну, тогда я спокоен.

Взгляд Ли Сысюаня упал на склонившегося Су Яня:

— Молодой господин, откуда ты знаешь придворный этикет Государства Тан?

Су Янь опустил руки, его голос прозвучал чисто и звонко:

— Су Янь приветствует Императора Государства Тан. Хотя я родился в городе Тяньлю, моя мать была родом из Государства Тан, поэтому в детстве я немного изучил этикет вашей благородной страны.

Ли Сысюань положил нефритовую перстень на стол и принялся разглядывать юношу. Лицо и вправду было утонченным, совсем не похоже на северные черты.

— Кто-нибудь, дайте гостю сесть. Негоже высокому гостю стоять, разве таков наш этикет гостеприимства?

— Благодарю, Ваше Величество. — Су Янь ответил с достоинством, и, прежде чем направиться к указанному месту на западе, бросил взгляд на Пей Чжо.

Лишь тогда Ли Сысюань позволил Пей Чжо поднять голову. Он долго и пристально смотрел на него, а затем уголки его губ тронула пугающая улыбка.

— А господин чжуаньюань тоже немного изменился. Я помню, как в девятый год Чжаовэнь ты точно так же стоял передо мной в Зале Чэнпин. Прошли годы, ты совершил великие подвиги на границе, ты мастер и пера, и меча — пример для всех чиновников.

Пей Чжо склонился, голос его звучал отстраненно:

— Благодарю Ваше Величество за внимание. Я лишь смиренный чиновник, не смею претендовать на заслуги.

— Ха, всё такой же, — его глаза, подобные глазам феникса, стали глубокими и темными. — Ты таишь на меня обиду?

Эти слова, словно отравленные серебряные иглы, упали в тишину зала, заставив всех похолодеть от страха — никто не хотел, чтобы вспоминали события десятилетней давности.

На мгновение воцарилась немая сцена.

Пей Чжо не выпрямился, не поднимая головы:

— Я много лет провел на границе и всегда чувствовал глубокую благодарность к Вашему Величеству. Благодаря вашей милости я смог вернуться в Императорскую столицу.

Ли Сысюань с улыбкой, полной скрытого смысла, вдруг произнес:

— Я тут вспомнил, пару дней назад Цюй Фу скончался.

Пей Чжо крепко сжал кулаки в рукавах, пряча в холодных глазах вспыхнувший огонь.

Ли Сысюань спросил:

— Ты помнишь, кто это был?

Долгая пауза. Пей Чжо ответил сдавленным голосом:

— ...Ученый Академии Ханьлинь, главный составитель «Великого канона Чжаовэнь».

— Ошибаешься, — медленно произнес Ли Сысюань. — С девятого года Чжаовэнь он был узником Управления Юси. Говорят, все эти годы он питался собственным мясом, чтобы выжить.

Управление Юси — это не Великий судебный приказ, как они могли посылать еду заключенным... Губы Пей Чжо побелели. Эти слова, словно лезвия, вонзались в самое сердце, невыносимо было слышать эту жестокую правду.

Ли Сысюань расхохотался:

— Есть свое собственное мясо? Как оригинально. Интересно, правда ли, как говорят, оно было сладким? Ха-ха-ха-ха! Господин Пей, разве тебе не смешно?

В горле Пей Чжо пересохло, его затошнило. Но он мог лишь впиться ногтями в ладони, сдерживая эту горечь с помощью боли.

На пиру воцарилась мертвая тишина.

Лишь Цзян Нинъе разразился смехом, его кубок с грохотом упал на застеленный шелком стол, и он закашлялся:

— Кхе-кхе-кхе... Старший брат, почему ты раньше не рассказывал мне такие диковинки?

Услышав это, Ли Сысюань помрачнел, но тут же усмехнулся. Он неторопливо произнес:

— Я просто хотел вспомнить прошлое с господином Пеем. В конце концов, твой отец...

Ли Сысюань намеренно сделал паузу, глядя на спокойное лицо Пей Чжо, что его слегка удивило. Спустя время он продолжил:

— Твой родной отец, генерал Нинъань, оказал огромные услуги Государству Тан. Жители западных земель до сих пор ежегодно поминают его, да и я сам всегда о нем помню. За двадцать с лишним лет в нашем Государстве Тан не было таких людей.

Он развел пальцы, глядя в линии на своей ладони, и вздохнул:

— Старый правитель Шу перед смертью тоже тосковал о тебе, своем внуке, и настаивал на том, чтобы написать мне письмо, спрашивая, когда же ты вернешься. Теперь ты вернулся, но не застал его живым. Как жаль.

Не дожидаясь ответа Пей Чжо, Ли Сысюань окинул взглядом присутствующих, и тон его вдруг стал легким:

— Да что же вы все такие напряженные? Секретарь императорской канцелярии только вернулся в столицу, не стоит так волноваться. Дайте ему сесть.

Секретарь императорской канцелярии... Пей Чжо слегка нахмурился.

В этот момент с восточной стороны поднялся человек и поклонился:

— Ваше Величество, я считаю, что командующему, столько лет отсутствовавшему в столице и не знакомому с нынешними делами двора, назначать должность сейчас — не самое лучшее решение.

Ли Сысюань удивился:

— Хань Цзинь, сегодня банкет, а ты решил обсуждать со мной государственные дела?

— Ваше Величество, секретарь канцелярии — это правая рука первого министра, надеюсь, вы хорошо обдумаете это решение, — настаивал Хань Цзинь.

Эти слова вызвали оживленные споры среди чиновников. После смерти премьер-министра Юань Вэя десять с лишним лет назад должность пустовала, а исполнял обязанности великий наставник Чу Лян. По сути, место секретаря канцелярии означало работу под началом Чу Ляна.

Теперь, когда Управление Юси и Ведомство взывания к небесам действуют заодно, а партия великого наставника держит в руках государственные дела, кто не стремится им угодить? Лишь Хань Цзинь, этот упрямец, не умеющий читать ситуацию, вызывал у остальных насмешки. Неизвестно, как он вообще умудрился выжить до сих пор, да еще дослужиться до Министерства чинов из глухих западных окраин.

— Тогда, может, почтенный глава Министерства чинов сам скажет, куда назначить командующего? — парировал Ли Сысюань.

Хань Цзинь снова поклонился:

— Я считаю, что для знакомства с делами командующему стоит начать со Секретариата, Министерства работ или Великого судебного приказа.

Ли Сысюань небрежно ответил:

— В этом есть доля смысла, но я уже...

— Ваше Величество, я считаю, что в словах господина Ханя нет никакого смысла. — Низкий и уверенный голос раздался совсем рядом, прерывая императора.

Ли Сысюань поднял голову, и в его глазах промелькнула радость.

В зал, облаченный в темно-пурпурные одежды, вошел великий наставник.

Чу Лян был статен, привыкший к власти и величию. Он бросил на Хань Цзиня лишь один холодный взгляд, от которого тот невольно сжался. Хань Цзинь сложил руки за спиной и отвел глаза.

Увидев Чу Ляна, Ли Сысюань притворно упрекнул:

— Великий наставник, дела у вас всегда в приоритете, вот и сегодня опять опоздали.

— Прошу Ваше Величество о наказании. В преддверии Праздника Бога Дракона я был в Ведомстве зывания к небесам на переговорах с Верховным жрецом. По пути домой я случайно увидел, что в лавке Фансян продают сладости. Помню, как Вы любите сладкое, а тут как раз банкет, вот я и попросил их приготовить побольше, поэтому и задержался.

Слуга, заметив взгляд Чу Ляна, тут же распорядился подать угощения.

Ли Сысюань повеселел. Заметив, что Хань Цзинь все еще стоит, он легкомысленно бросил:

— Господин Хань, присаживайтесь, попробуйте угощение из лавки Фансян. А остальное обсудим на утреннем докладе завтра.

Хань Цзинь настаивал:

— Ваше Величество, господин Пей только что вернулся в столицу, а молодой господин из рода Цан — впервые здесь. Их дела не устроены, и даже неизвестно, где они проведут сегодняшнюю ночь.

Ли Сысюань не желал продолжать разговор и, немного подумав, сказал:

— Господин Хань, вы так печетесь о делах, которыми должны заниматься слуги? Я распорядился выделить молодому господину Цан пустующую виллу у Дороги Связующих Бессмертных. А что касается господина Пея...

Он не мог вспомнить.

Хань Цзинь предложил:

— Если у господина Пея нет жилья, может быть, я...

— Брат забыл, я помог господину Пею найти усадьбу, — вставил Цзян Нинье с сияющей улыбкой. — После банкета я отвезу господина Пея посмотреть её. Если ему не понравится, завтра я сопровожу его в другие места.

— Ах, моя память. Раз уж Нинье выбирал, это наверняка лучший вариант, — тон Ли Сысюаня смягчился.

Пей Чжо сдержанно произнес:

— Благодарю Ваше Величество и князя Цзин.

— Не нужно церемоний. Господину Пею тоже дайте место, пусть садится — прямо рядом с господином Чжаном, — Ли Сысюань махнул рукой, и музыканты вновь заиграли.

Пей Чжо сел справа от Чжан Жоханя, прямо напротив Цзян Нинье.

Сквозь гранатовые юбки танцовщиц Цзян Нинье, похоже, почувствовал взгляд Пей Чжо. Он поднял нефритовый кубок и слегка сощурил глаза, улыбаясь.

Пей Чжо отвел взгляд, сохраняя невозмутимость, и о чем-то задумался.

В рядах позади него сидела молодежь, перешептываясь под музыку.

Кто-то спросил:

— Я впервые в столице, почему этот князь Цзин — князь другой фамилии? И почему он так неуважительно обращается к Императору?

Сосед рассмеялся и понизил голос:

— Тише, ты что, не знаешь? Слышал звон, да не знаешь где он, типичный иностранец? Род матери Императора много лет назад попал в беду, остался только этот единственный отпрыск. Перед вступлением на престол Император с большим трудом нашел его. У Императора нет ни жены, ни детей, ни родных братьев. Только этот единственный родственник, которого он воспитывал с детства и берег пуще глаза. Кто еще во всем Государстве Тан может быть ближе к Императору, чем князь Цзин?

— Но Император слишком его балует. У него ведь нет наследников, если случится...

— Тьфу-тьфу, ты что несешь! Император здоров и крепок духом, рано об этом беспокоиться.

— И то верно. Правда, у князя Цзин слабое здоровье, посмотри, как он ходит, походка такая шаткая... Говорят, после того как он выпил подношенное вино в Храме Бога Дракона, он много лет проболел, да и рассудок его помутился...

— Да, моя невестка живет недалеко от Дороги Ланьтин, там князь часто прогуливался. Говорят, он был гением боевых искусств, а после того случая всё пошло прахом, до сих пор не оправился. Император жалеет его, вот и потакает всем желаниям. Он даже приказал Ведомству взывания к небесам в Храме Бога Дракона вымолить прощение за грехи князя.

— Неудивительно, выжил — и то милость Бога Дракона.

— Бога Дракона Император лично пригласил много лет назад. Наш Император храбр, и Бог Дракон чтит его — это слава нашего Государства Тан, которая переживет века...

...Что было дальше, Пей Чжо уже не расслышал. В ушах звенело, руки и ноги внезапно похолодели.

...Оказывается, вот как это преподносят. Слухов в столице за эти годы он слышал немало, но настолько откровенных — впервые.

А Цзян Нинье? Он верит в это? Все эти годы он так и думал? С его характером он, безусловно, должен был сомневаться. Но все причастные к тем событиям уже давно были стерты с лица земли. Сколько он может знать?

К тому же, он ничего не помнит.

Если это так, то, возможно, это к лучшему. По крайней мере, ему не нужно мучиться прошлым.

Десять лет.

Он тоже сильно изменился. Теперь он на полголовы выше, детская неуклюжесть давно исчезла. Хотя в глазах все еще искрилась дерзость и наивность, ставшая драгоценным украшением, его роскошная, словно у золотой ветви, утонченность плотно окутывала его, как крепостная стена.

Всё изменилось, мир перевернулся. Пей Чжо много раз представлял себе эту встречу, но когда сегодня взглянул на Цзян Нинье впервые, не почувствовал в сердце ничего. Словно напротив него был совершенно чужой человек.

Но стоило встретиться с ним взглядом, как он ощутил смущение, от которого некуда было

бежать.

Пей Чжо не волновало, что говорят другие. Того, что он один помнит всё произошедшее, достаточно. Он всё вернет — за каждого человека, за каждую утрату.

Даже если этот путь будет отдалять его всё дальше.

Дела мира — словно бурный поток, они никогда не следуют нашим желаниям.

Неважно. Его это не заботит.

Лишь бы тот человек был жив — этого достаточно.

— Господин Пей, что-то не так? — голос Чжан Жоханя вырвал его из тяжелых раздумий.

Он заметил обеспокоенный взгляд Чжан Жоханя, и только тогда боковым зрением увидел, что кубок на столе опрокинулся, и прозрачная жидкость капает на ковер, оставляя влажное пятно.

— Всё в порядке, — тихо произнес Пей Чжо, беря себя в руки.

Он почувствовал, что кто-то смотрит на него, и когда ответил на взгляд, увидел, как среди теней от занавесок Цзян Нинье снова поднял кубок, улыбаясь искренне и беззаботно. В его глазах всегда была улыбка, на кого бы он ни смотрел, он всегда казался дерзким, хитрым, высокомерным, но при этом открытым и пылким.

Казалось, он ничуть не изменился с юных лет.

Только... Пей Чжо крепче сжал кубок тонкими пальцами. Холодная кровь, текущая в его жилах все четыре сезона года, вновь причинила боль, словно тысячи муравьев пожирали его изнутри.

Каждый укол боли напоминал: это только начало.

Читается «Цзян Хуань» (huan).

Прим. 1: Переработано из стихотворения Цзян Цзе «Юность»: «Лишь сложив всё прожитое, пустые напевы и стихи, в песнь гребца превращу».

Выехав из дворца, карета проследовала шесть-семь ли вдоль Дороги Белого Коня, тянущейся с севера на юг, а затем, повернув на восток по Дороге Ланьтин, миновала улицу и оказалась в самом оживленном торговом районе Города Цзи. Знаменитый павильон Хунгуань, обитель нежности, расположился на противоположной стороне Западного города, привлекая бесчисленных ученых и поэтов, готовых тратить здесь тысячи золотых.

Стоило пройти еще с десяток улиц на восток, как воцарилась тишина. Весь шум куда-то внезапно исчез, оставив лишь покачивающиеся в лунном свете ивы, на которых проклевывались первые почки.

Усадьба, выходящая окнами на юг, была плотно закрыта красными воротами, два фонаря на столбах слегка покачивались на ночном ветру. Там, где над колоннами с резными драконами должна была висеть табличка с названием, зияла пустота.

Походило на черный ход.

Пей Чжо, сидя в карете, не удержался и посмотрел еще раз. Ночь была глубокой, свет из глубины поместья пробивался сквозь густые кроны деревьев на стены.

Он лучше всех знал, что путь от дворца до этих ворот занимает три чашки чая пешком или одну верхом. Ведь когда Пей Юйшу строил усадьбу, Ли Сысюань сказал: «Если генерал Пей будет жить поближе, мое сердце будет спокойнее».

Вскоре после этого Ли Сысюань добавил: «А если князь Цзин поселится рядом с генералом Пеем, я буду еще спокойнее».

Так усадьба князя Цзин оказалась к востоку от поместья Пей, их разделяла лишь одна стена.

С тех пор прошло немало лет, старые деревья в поместье Пей всё еще стоят. Интересно, подумал Пей Чжо, кто сейчас занял это место, даже не перестроив его? В обычаях Государства Тан считается, что это приносит несчастье. Пей Юйшу был мятежником, его прежнее жилище должно было согнуться вместе с его останками.

Карета проехала вдоль восточной высокой стены до конца, затем вдоль северной стены повернула на запад и выехала на узкую улочку.

— Тр-р...

Пей Чжо, погруженный в мысли, внезапно был прерван остановкой.

Тот самый неудачник, занявший чужое поместье, с сияющим видом пригласил его выйти, не без гордости заметив:

— А Чжо, смотри, вот это место я выбрал.

За спиной Цзян Нинъе широко распахнулись ворота поместья — не сказать, чтобы роскошного, но строгого и изящного.

Однако прямо напротив него находилась боковая калитка соседней усадьбы, на которой висела табличка «Поместье князя Цзин». Надпись была выполнена древними иероглифами, стиль которых, хотя и был утонченным, выдавал недостаток мастерства того, кто выводил эти знаки.

Пей Чжо взглянул — и словно гром услышал, ком подступил к горлу.

— Что такое? — Цзян Нинъе, заметив, как его взгляд внезапно затуманился, взял у Цзяоцзяо фонарь и лично осветил дорогу Пей Чжо.

Пей Чжо еще не успел прийти в себя, как увидел, что легкая улыбка на губах Цзян Нинъе скрылась в мерцающем свете.

<http://bllate.org/book/21168/2144690>